

Истина лежит на стороне смерти.

Симона Вайль

Часть I

1.

С конца семнадцатого века все предки Павла Алексеевича Кукоцкого по мужской линии были медиками. Первый из них, Авдей Федорович, упоминается в письме Петра Великого, написанном в 1698 году в город Утрехт профессору анатомии Рюйшу, у которого за год до того под именем Петра Михайлова русский император слушал лекции по анатомии. Молодой государь просит принять в обучение сына аптекарского помощника Авдея Кукоцкого «по охоте». Откуда взялась сама фамилия Кукоцких, доподлинно неизвестно, но, по семейной легенде, предок Авдей происходил из местности Кукуй, где построена была при Петре Первом Немецкая слобода.

С того времени фамилия Кукоцких встречается то в наградных листах, то в списках школ, заведенных в России с Указов 1714 года. Служба после окончания этих новых школ открывала «низкородным» дорогу к дворянству. После введения Табели о рангах Кукоцкие по заслугам принадлежали «лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и преимуществах». Один из Кукоцких упоминался в списках слушателей доктора Иоханна Эразмуса

из Страсбурга, первого западного врача, читавшего в России среди прочих медицинских дисциплин «бабичье искусство».

С детства Павел Алексеевич испытывал тайный интерес к устройству всего живого. Иногда — обычно это случалось перед ужином, когда образовывалось неопределенное, незаполненное время, — ему удавалось незаметно пробраться в отцовский кабинет, и он, замирая сердцем, доставал со средней полки шведского, с тяжелыми выдвижными стеклами шкафа три заветных тома известнейшей в свое время медицинской энциклопедии Платена и располагался с ними на полу, в уютном закутке между выступом голландской печки и шкафом. В конце каждого тома помещались раскладные фигуры розовошекого мужчины с черными усиками и благообразной, но сильно беременной дамы с распахивающейся для ознакомления с плодом маткой. Вероятно, именно из-за этой фигуры, которая для всех — никуда не денешься! — была просто голой бабой, он и скрывал от домашних свои исследования, боясь быть уличенным в нехорошем.

Как маленькие девочки без усталости переодевают кукол, так и Павел часами собирал и разбирал картонные модели человека и его отдельных органов. С картонных людей последовательно снималось кожаное одеяние, слои розово-бодрой мускулатуры, вынималась печень, на стволе пружинистых трахей вываливалось дерево легких, и, наконец, обнажались кости, окрашенные в темно-желтый цвет и казавшиеся совершенно мертвыми. Как будто смерть всегда скрывается внутри человеческого тела, только сверху прикрытая живой плотью, — об этом Павел Алексеевич станет задумываться значительно позже.

Здесь, между печкой и книжным шкафом, и застал его однажды отец, Алексей Гаврилович. Павел ожидал нахлобучки, но отец, посмотрев вниз со своей огромной высоты, только хмыкнул и обещал дать сыну кое-что получше.

Через несколько дней отец действительно дал ему кое-что получше — это был трактат Леонардо да Винчи “Dell Anatomia”, литер А, на восемнадцати листах с двумястами сорока пятью рисунками, изданный Сабашниковым в Турине в конце девятнадцатого века. Книга была невиданно роскошной, отпечатана в трехстах пронумерованных от руки экземплярах и снабжена дарственной надписью издателя. Алексей Гаврилович оперировал кого-то из домочадцев Сабашникова...

Отдавая книгу в руки десятилетнего сына, отец посоветовал:

— Вот, посмотри-ка... Леонардо был первейшим анатомом своего времени. Лучше его никто не рисовал анатомических препаратов.

Отец говорил еще что-то, но Павел уже не слышал — книга раскрылась перед ним, как будто ярким светом залило глаза. Совершенство рисунка было умножено на невысказанное совершенство изображаемого, будь то рука, нога или рыбовидная трехглавая берцовая мышца, которую Леонардо интимно называл «рыбой».

— Здесь, внизу, естественная история, зоология и сравнительная анатомия, — обратил Алексей Гаврилович внимание сына на нижние полки. — Можешь приходить сюда и читать.

Счастливейшие часы своего детства и отрочества Павел провел в отцовском кабинете, восхищаясь изумительными сочленениями костей, обеспечивающими многоступенчатый процесс пронации-супинации, и волнуясь чуть не до слез над схемой эволюции кровеносной системы, от простой трубки с тонкими включениями мышечных волокон у дождевого червя до трехтактного чуда четырехкамерного сердца человека, рядом с которым вечный двигатель казался задачей для второгодников. Да и сам мир представлялся мальчику грандиозным

вечным двигателем, работающим на собственном ресурсе, заложенном в пульсирующем движении от живого к мертвому, от мертвого — к живому.

Отец подарил Павлику маленький медный микроскоп с пятидесятикратным увеличением — все предметы, не способные быть распластанными на предметном стекле, перестали интересовать мальчика. В мире, не вмещавшемся в поле зрения микроскопа, он замечал только то, что совпадало с изумительными картинками, наблюдаемыми в бинокляре. Например, орнамент на скатерти привлекал его глаз, поскольку напоминал строение поперечно-полосатой мускулатуры...

— Знаешь, Эва, — говорил Алексей Гаврилович жене, — боюсь, не станет Павлик врачом, голова у него больно хороша... Ему бы в науку...

Сам Алексей Гаврилович всю жизнь тянул двойную лямку педагогической и лечебной работы — заведовал кафедрой полевой хирургии и не прекращал оперировать. В короткий отрезок между двумя войнами, Русско-японской и Германской, он одержимо работал, создавая современную школу полевой хирургии, и одновременно пытался привлечь внимание военного министерства к очевидному для него факту, что грядущая война изменит свой характер и начавшийся только что век будет веком войн нового масштаба, нового оружия и новой военной медицины. Система полевых госпиталей должна была быть, по мнению Алексея Гавриловича, полностью пересмотрена, и главный упор надо делать на скоростную эвакуацию раненых и создание централизованных профилированных госпиталей...

Германская война началась раньше, чем ее предвидел Алексей Гаврилович. Он уехал, как тогда говорили, на театр военных действий. Его назначили начальником той самой комиссии, о создании которой он так хлопотал в мирное время, и теперь он разрывался на части, потому

что поток раненых был огромным, а задуманные им специализированные госпитали так и остались бумажными планами: пробить бюрократические стены в довоенное время он не успел.

После жестокого конфликта с военным министром он бросил свою комиссию и оставил за собой передвижные госпитали. Эти его операционные на колесах, устроенные в пульмановских вагонах, отступали вместе с недееспособной армией через Галицию и Украину. В начале семнадцатого года артиллерийский снаряд попал в хирургический вагон, и Алексей Гаврилович погиб вместе со своим пациентом и медсестрой.

В том же году Павел поступил на медицинский факультет Московского университета. В следующем его отчислили: отец его был ни много ни мало полковником царской армии. Еще через год, по ходатайству профессора Калинцева, старого друга отца, заведующего кафедрой акушерства и гинекологии, его восстановили в студенчестве. Калининцев взял его к себе, прикрыл грудью.

Учился Павел с той же страстью, с какой игрок играет, пьяница пьет. Его одержимость в занятиях создала ему репутацию чудака. В отличие от матери, женщины избалованной и капризной, он почти не замечал материальных лишений. После смерти отца, казалось, уже ничего нельзя было потерять.

В начале двадцатого года Кукоцких «уплотнили» — в их квартиру вселили еще три семьи, а вдове с сыном оставили бывший кабинет. Университетская профессура, кое-как выживавшая при новой власти, ничем помочь не могла — их всех тоже изрядно потеснили, да и революционный испуг не прошел: большевики уже продемонстрировали, что человеческая жизнь, за которую привыкли бороться эти прогневившие интеллигенты, копейки не стоит.

Эва Казимировна, мать Павла, была привязана к вещам и бережлива. Она втиснула в кабинет почти всю

свою варшавскую мебель, посуду, одежду. Почтенный отцовский кабинет, когда-то просторный и деловой, превратился в складское помещение, и, сколько ни просил Павел избавиться от лишних вещей, мать только плакала и качала головой: это было все, что осталось у нее от прежней жизни. Но продавать тем не менее все же приходилось, и она постепенно расторгивала на толкучке свои несметные сундуки с обувью, воротничками, салфеточками, обливая каждую мелочь слезами вечного прощания...

Отношения матери и сына как-то охладели, расстроились, и еще через год, когда мать вышла замуж за непристойно молодого Филиппа Ивановича Левшина, мелкого начальника из железнодорожников, Павел ушел из дома, оставив за собой право пользоваться отцовской библиотекой.

Но ему редко удавалось добраться до материнского дома. Он учился, работал в клинике, много дежурил и ночевал где придется, чаще всего в бельевой, куда пускала его старая кастелянша, помнившая не только Павлова отца, но и деда...

Ему уже исполнился двадцать один год, когда мать родила нового ребенка. Взрослый сын подчеркивал ее возраст, и молодящаяся Эва Казимировна страдала. Она дала Павлу понять, что присутствие его в доме нежелательно.

Отношения между ним и матерью с этого времени пресеклись.

Через некоторое время медицинский факультет отделился от университета, произошли перестановки. Умер профессор Калининцев, и на его место пришел другой человек, партийный выдвиженец, без какого бы то ни было научного имени. Как ни странно, Павлу он благоволил, оставил на кафедре в ординатуре. Фамилия Кукоцких в медицинском мире была известна не менее, чем фамилия Пирогова или Боткина.

Первая научная работа Павла была посвящена некоторым сосудистым нарушениям, вызывающим самопроизвольные выкидыши на пятом месяце беременности. Нарушения касались самых малых капиллярных сосудов, и интересовали они Павла по той причине, что он тогда носился с идеей воздействия на процессы в периферических областях кровеносной и нервной систем, считая, что ими легче управлять, чем более высокими разделами. Как и все ординаторы, Павел вел больных в стационаре и принимал два раза в неделю в поликлинике.

Именно в тот год, осматривая на поликлиническом приеме женщину с регулярными выкидышами на четвертом-пятом месяцах беременности, он обнаружил, что видит опухоль желудка с метастазами — один очень заметный в печень, второй, слабенький, в область средостения. Он не нарушил ритуала осмотра больной, но дал ей направление к хирургу. Потом он долго сидел в кабинете, не приглашая следующую пациентку, пытаясь понять, что же с ним такое произошло, откуда взялась эта схематическая цветная картинка вполне развитого рака...

С этого дня открылся у Павла Алексеевича этот странный, но полезный дар. Он называл его про себя «внутривидением», первые годы осторожно интересовался, не обладает ли кто из его коллег подобной же особенностью, но так и не напал на след.

С годами его внутреннее зрение укрепилось, усилилось, приобрело высокую разрешающую способность. В некоторых случаях он даже видел клеточные структуры, окрашенные, казалось, гематоксилином Эрлиха. Злокачественные изменения имели интенсивно лиловый оттенок, области активной пролиферации трепетали мелкозернистым багровым... Зародыш с самых первых дней беременности он видел как сияющее светло-голубое облачко...

Бывали дни и недели, когда «внутривидение» уходило. Павел Алексеевич продолжал работать: смотрел боль-